

СЛОВО В ПЕРЕВОДЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ

Ирина А. Баринова, Наталья М. Нестерова

Пермский филиал Нижегородской академии МВД России,

Пермь, Россия

Пермский государственный технический университет,

Пермь, Россия

The problem of lexical equivalents in the process of interlanguage translation has been considered in the article. Taking into consideration the fact that a word is the basis of any decoding as well as the interlanguage one, the authors analyse the phenomenon of word untranslatability caused by the difference of language and conceptional world images. Hence, a word has been considered as a concept carrier. Relying on the opinion that word untranslatability is the objective reality, the contrastive analysis of the so-called lexical interlanguage equivalents has been conducted in the article.

'Nevsky Prospekt' by N. Gogol and its translation into English has been taken as the material for the analysis. While comparing a word of source language with a word of target language three zones have been marked: the zone of meaning of a source language word; the zone where meanings of words coincide; and the zone of meaning of a target language word.

Границы моего языка есть границы моего мира.

Л. Витгенштейн

Слова одного из самых «лингвистических» философов XX в. Л. Витгенштейна перекликаются с идеей В. Фон Гумбольдта о языковом круге, в границах которого замкнут человек и его мышление. Именно это представление о языке породило и идею о принципиальной межъязыковой «непереводимости». Хорошо известны гумбольдтовские постулаты: «Язык – это мировидение» и «Язык – это орган, образующий мысль», из которых следует вывод: «два языка – два мировидения». Особенно это проявляется в процессе перевода, поскольку именно там сталкиваются эти два мировидения. Вот почему перевод – это языковая и культурная «трагедия». Непереводимыми (в той или иной степени) оказываются и грамматика, и слово. И хотя

Гумбольдт подчеркивал, что «грамматика более родственна духовному развитию наций, нежели лексика» и что именно «грамматический строй языка дает нам представление о внутренней организации мышления» (Гумбольдт, 1984: 20–21; 345), тем не менее, говоря о непереводаемости, он прежде всего указывал на слово. Именно в слове запечатлевается картина мира, мировосприятие. А. Шопенгауэр в своей работе о языке и словах пишет следующее: «*The word is the most enduring substance of the human race. Once a poet has properly embodied his most fleeting emotion in the most appropriate words, then this emotion will continue to live on through these words for millennia and will flourish anew in every sensitive reader. Not every word in one language has an exact equivalent in another. Thus, not all concepts that are expressed through the words of one language are exactly the same at the ones that expressed through the words of another*» <Слово – это самая устойчивая субстанция человечества. После того, как поэт соответствующим образом воплотил свои самые мимолетные эмоции в наиболее подходящих словах, затем эти эмоции продолжают свою жизнь в этих словах в течение тысячелетий и будут по-новому расцветать в каждом чутком читателе. Не каждое слово в одном языке имеет четкий эквивалент в другом. Таким образом, не все концепты, выражаемые словами одного языка, точно так же выражаются словами другого языка> (Schopenhauer, 1992: 34).

Говоря о переводе, Гумбольдт указывал на то, что слово – это нечто большее, чем знак понятия: «*The concept could not come into existence, let alone be grasped, without the word; the indeterminate force of a thought forms itself into a word just as soft clouds form out of a clear blue sky. It should not be forgotten that the word has its own individual nature with its own specific character and specific shape, with its own power to affect the spirit, and that it is not without the ability to recreate itself*» <Понятие не может появиться, не говоря уж о том, чтобы быть понятным, без слова. Смутная / неопределенная мысль превращается в слово, так же, как мягкие облака формируются из чистого голубого неба. Нельзя забывать, что слово обладает своей собственной природой со своим характером и формой, оно обладает и силой воздействия на дух, и при этом способна к собственному воссозданию.> (Humboldt, 1992: 55).

Итак, понятие формируется в нашем сознании благодаря слову. «*Без слова невозможна никакая ступень познания*», – отмечал А.А. Потебня, замечательный русский мыслитель, филолог и философ, подчеркивая роль основной единицы языка в жизни человека и человечества. «*Одно только слово есть monumentum aere perennius*», –

считал ученый (цит. по: Верещагин и др., 1980: 296). Именно слово рождает и образует понятие, давая нам возможность познания и общения.

Несоответствие «словарных соответствий» при переводе, вызванное тем, что *«разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее»* (Гумбольдт, 1984: 349), отмечали как философы-романтики начала XIX в., так и философы XX в. Не случайно поэтому замечание Ж. Деррида: *«At the beginning of translation is **the word**»* (Derrida, 2001: 175). Аналогично мнение и В. Бенямина, который писал, что к сфере перевода применимо «в начале было Слово» (цит. по: Верещагин и др., 1980: 299).

Причины межязыковых вербальных несоответствий кроются не только в гумбольдтовском различном видении предмета, обозначенного данными словами, но и в том, что слово как элемент языковой системы неразрывно связано с другими элементами данной системы. Значение каждого слова оттеняется, обогащается значениями других слов, особенно тех, которые находятся с ним в родственных отношениях – парадигматических и синтагматических, синонимических и антонимических, семантических и формальных. Связи эти очень прочные, и «вырвать» слово из этого так сложно переплетенного вербального пласта невозможно. Кроме того, несмотря на контекстные ограничители, слово в тексте предстает в ореоле всех своих семантических возможностей, в разной степени высвечиваемых в речевом произведении. Обогащается слово и индивидуальной семантикой, представленной, как говорил П. Флоренский, *«совокупностью почти неуловимых эмоциональных оттенков, которыми определяется самое проникновенное из того, что говорящий вот сейчас, в данном случае вкладывает в произносимое им слово»* (цит. по: Верещагин и др., 1980: 297) Таким образом, сочетание «общего» и «индивидуального» значения, «выраженного» и «невыраженного», «реализованного» и «потенциального», «уловимого» и «неуловимого» порождает многосмысленность слова (а значит, и всего текста), которая не может быть транслирована (перенесена) в другой язык, в другую культуру.

Гадамер (Гадамер, 1991) объяснял этот «качественный» признак перевода невозможностью перенести в другой язык всю ту нерасторжимую взаимосвязанность слов, которая в каждом языке индивидуальна и определяет (составляет) дух этого языка. И действительно, как показывает многовековая история перевода, искусство слова столь неразрывно связано со стихией родного языка,

что «вынуть» художественную действительность из той языковой среды, в которой она была создана, и просто пересадить ее на другую почву невозможно, поскольку при этом рвутся те тончайшие ассоциативные связи, которые участвуют в создании конкретно-чувственного образа, и неизбежно возникают новые, свойственные языку, на который делается перевод. Это и вызывает «переводческие муки», порой невыносимые.

Итак, с точки зрения герменевтики, проблема перевода и его трагизм заключаются, во-первых, в проблеме понимания, которое есть по сути «непонимание», во-вторых, в Слове, которое почти всегда одно в оригинале и другое в переводе. Эту же мысль можно найти практически у каждого, кто задумывался о проблемах перевода. В частности, Н.Г. Комлев, занимавшийся, как известно, исследованиями семантической структуры слова, считал, что слова, которыми мы пользуемся как переводными эквивалентами, как правило, имеют отнюдь не тождественное содержание (Комлев, 1992). Не согласиться с этим нельзя. Вот и получается, что словарь как главный инструмент переводчика превращается для него, по словам Набокова, во «вражеский стан». Убедиться в этом совсем не сложно, достаточно сравнить семантику слова оригинала и его «эквивалентного» соответствия в тексте перевода. Такое сравнение (процесс которого сам по себе является очень занимательной лингвистической операцией) неизбежно приведет нас к тому, что при наложении содержательных структур слов оригинала и перевода мы получим три зоны в их соответствии друг другу: **зону их пересечения, зону слова оригинала, которая остается нетранслированной, и зону слова перевода, его собственных внутриязыковых значений, которых нет у слова оригинала.**

Такое соотношение семантики слов оригинала и перевода можно описать в терминах теории множеств. Представим множество значений любого слова как некое множество $M = m\{x\}$, где M – это само множество, m – все значения слова x . В случае сравнения значений слова оригинала и его переводного соответствия мы имеем, соответственно, два таких множества: $M_1 = m\{x_1\}$, $M_2 = m\{x_2\}$. При пересечении данных множеств возникает еще одно множество M' , которое и есть «зона семантического пересечения» сопоставляемых слов, т.е. $M' = M_1 \cap M_2$. Последнее множество M' будет изменяться в зависимости от сопоставляемых слов, от их семантического подобия. Отметим, что в некоторых случаях оно будет стремиться к полному пересечению M_1 и M_2 : $M' \rightarrow M_1 \square M_2$. Это

будет означать эквивалентность сравниваемых слов, которая может связывать слова, являющиеся, как говорил Гумбольдт, наименованиями «физических объектов». В других случаях это выражение может принять следующий вид: $M' \rightarrow \square$, что означает отсутствие зоны пересечения. Естественно, что оба эти случая являются достаточно маргинальными, чаще всего мы можем выделить все три зоны.

В зону пересечения чаще всего попадает денотативное значение, а все сопутствующие значения, образующие семантический шлейф слова, наделяющие его «духом», остаются вне ее. В качестве иллюстрации к вышеизложенному рассмотрим отрывок из произведения Н.В. Гоголя «Невский проспект» и его перевод на английский язык.

Невский проспект

Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет все. Чем не блестит эта улица - красавица нашей столицы! Я знаю, что ни один из бледных и чиновных ее жителей не променяет на все блага Невского проспекта. Не только кто имеет двадцать пять лет от роду, прекрасные усы и удивительно сшитый сюртук, но даже тот, у кого на подбородке выскакивают белые волосы и голова гладка, как серебряное блюдо, и тот в восторге от Невского проспекта. А дамы! - О, дамам еще больше приятен Невский проспект. Да и кому же он не приятен? Едва только взойдешь на Невский проспект, как уже пахнет одним гуляньем.

Nevsky Prospekt

Nothing could be finer than Nevsky Prospekt, at least not in St. Petersburg; it is the be-all and end-all. It positively gleams and sparkles — it is the jewel of our capital. I know that not one of the city's pallid civil-servants would exchange Nevsky Prospekt for all the riches of the world. By this I mean not only the "young fellow of twenty-five, sporting splendid moustaches and a remarkably well-cut frock coat, but also the old gentleman with white hairs jutting from his chin, and a pate as smooth as a silver dish — he too is in raptures about Nevsky Prospekt. And as for the ladies!—The ladies are even more enamoured of Nevsky Prospekt. Mind you, who wouldn't be enamoured of it? No sooner do you step out onto Nevsky Prospekt that you are swept up in its endless promenade.

Цель нашего анализа – увидеть то общее и то различное, что есть в культурной семантике данных слов, в их семантических (референциальных и коннотативных) шлейфах, увидеть смысловое и формальное своеобразие данных слов и выделить названные выше

зоны¹. Анализ проводится на основе словарных дефиниций, найденных в толковых и двуязычных словарях. Анализируются следующие пары: *чиновный* – *civil servant*; *прекрасный* – *splendid*; *блага* – *riches*; *восторг* – *raptures*; *гулянье* – *promenade*.

1. *чиновный* – *civil servant*

В русском языке слово *чиновный* является достаточно окрашенным, причем, скорее негативно, чем положительно. Так в словаре С. Ожегова (1991, 882) оно толкуется как 'имеющий какой-то чин, служащий', при этом дается и переносное значение: 'тот, кто ведет свою работу с холодным равнодушием, без интереса, бюрократически'. Словарь В.И. Даля (1995, т.4, 605) толкует это слово как производное от слова *чин* (ступень, на коей человек стоит в обществе, звание, сан, сословие), т.е. *чиновный* – это тот, на ком есть чин.

Английское словосочетание *civil servant* представляется более нейтральным, это просто указание на род службы: 'a person who works in the civil service' (Oxford Advanced Learner's Dictionary, 2005: 266). Коннотативное различие очевидно.

2. *прекрасный* – *splendid*

Оба слова относятся к экспрессивно-оценочной лексике, выражают очень высокую оценку. Анализ дефиниций дает следующую картину: русское слово этимологически связано со словом *красный*, которое, в свою очередь, означает (помимо цвета) 'красивый, лепый, баской, одаренный красотой, красою' (Даль, 1995: т. 3, 393). Более современную характеристику находим в словаре С. Ожегова: 'очень красивый, то, что воплощает красоту, соответствует ее идеалу' (Ожегов, 1991: 581). Итак, главное значение связано с **красотой**. Английское же слово *splendid*, определяемое как 'excellent, very good, very impressive, very beautiful' (Oxford Advanced Learner's Dictionary, 2005: 1476) подчеркивает не столько красоту, сколько высокое «качество» предмета, явления, человека, включая его внешность. В нем совершенно отсутствует намек на русский этимон переводимого слова.

3. *блага* – *riches*

Данная пара представляется особенно интересной с точки зрения контрастивного анализа. Слово русского оригинала *блага* настолько многозначно, оно сразу ассоциируется со 'всем хорошим и добрым', с тем, что 'служит нашему счастью' (Даль, 1995: т. 1, 90). При этом в нем есть и «материальная сторона» – 'то, что дает достаток, благополучие,

¹ Ж. Деррида в своей работе «What Is a 'Relevant Translation'?» называет слово основной единицей измерения в переводе, отмечая при этом, что философия перевода сегодня стремится стать философией слова.

удовлетворяет потребности' (Ожегов, 1991: 54). В его англоязычном соответствии прежде всего прочитывается как раз материальное: 'large amount of money and valuable and beautiful possessions' (Oxford Advanced Learner's Dictionary, 2005: 1305). Различие в данном случае абсолютно очевидно.

4. *восторг* – *raptures*

В словаре С. Ожегова находим следующее толкование русского слова: 'большой подъем чувств, восхищение' (стр. 103). В словаре В. Даля: '1) состояние восторженного, в знач. нравственном, благого иступления, восхищение, забытие самого себя, временное отрешение духа от мира и сует его, воспарение духа, временное преобладание его, восходящее иногда до ясновидения. 2) чрезмерная радость, удовольствие'. Глагол *восторгать* толкуется как 'исторгать, поднимать вверх, ... уносить в высшие пределы' (т. 1, стр. 251). Как мы видим, это русское слово имеет действительно длинный семантический шлейф, который вызывает множество ассоциаций, относящихся к внутреннему состоянию человека, включающему возвышенность, отрешенность от мира, иногда ведущую даже к ясновидению.

В англоязычных словарях слово *rapture* толкуется следующим образом: 'a feeling of extreme pleasure and happiness' (Oxford Advanced Learner's Dictionary, 2005: 1249), 'great joy and delight' (Active Study Dictionary of English, 1988: 502), 'extreme pleasure; ecstasy' (The Advanced Learner's Dictionary, 1968: 1033).

Сопоставление приведенных дефиниций русского и английского слов показывает, что данные единицы имеют общее значение сильного чувства радости, но семантика английского слова значительно уже, чем русского. В нем отсутствует отрешенность от земного, устремленность в «высшие пределы». Таким образом, в отношении данных слов можно говорить о неполном их соответствии.

5. *гулянье* – *promenade*

В словаре С. Ожегова находим следующее толкование русского слова: 'массовое празднество под открытым небом' (стр. 152). В словаре В. Даля: '1) гуляние, прогуливание, празднотатательство, свобода от дела; 2) то же, но более употребительно в значении места и сборища, в известный день для общей прогулки пешком, поездом' (т. 1, стр. 407).

Английское слово *promenade* толкуется как 'a public place for walking, usually a wide path beside the sea; a walk that you take for pleasure or exercise, especially by the sea, in a public park, etc' (Oxford Advanced Learner's Dictionary, 2005: 1208).

Общим значением для данных слов является пешеходное гуляние под открытым небом для получения удовольствия, а также обозначение места. Но русское «праздношатание», «свобода от дел» в английском варианте утрачивается.

Что доказывает данное сопоставление слов оригинала и перевода? Справедливость гадамеровского утверждения о том, что переводной текст представляет собой только «набор букв, из которых вынули дух» (Гадамер, 1991, 59). В определенной степени да, поскольку исчез или изменился семантический, эмоциональный ореол русских слов, который и делает их знаками культуры. Если референциальное значение слова позволяет найти ему соответствие в другом языке, то сопутствующие (коннотативные) значения, как правило, не пересекаются. А полотно художественного слова, как известно, соткано именно из них, и чем больше сопутствующих ассоциативных значений у слова, тем больше в нем многосмысленности. Очевидно, что переводчик при выборе межъязыковых соответствий идет прежде всего от словарных значений, которые дают нам только опору для формирования высказывания и его понимания. Остальные значения остаются за границей транслируемости. Именно этот факт и заставлял В. Набокова-переводчика «вводить» новые слова в язык перевода, чтобы передать не только предметное значение, но ассоциативное.

Проведенный анализ русско-английских словарных соответствий еще раз доказывает правоту Р. Якобсона, который писал: *«Широко распространенная практика межъязыковой коммуникации, в частности переводческая деятельность, должна постоянно находиться под пристальным наблюдением лингвистической науки. Трудно переоценить, насколько велика насущная необходимость, а какова теоретическая и практическая ценность двуязычных словарей, которые давали бы тщательно выполненные сравнительные дефиниции всех соответственных единиц в отношении их значения и сферы употребления»* (Якобсон, 1978: 18–19).

К этому можно добавить, что межъязыковая коммуникация связана как с расширением межкультурного сотрудничества, так и с практикой преподавания иностранных языков. Существенные особенности языка и культуры вскрываются при сопоставлении, при сравнительном изучении языков и культур. Все тонкости и вся глубина проблемы межъязыковой и межкультурной коммуникации становятся особенно наглядными при сопоставлении родного языка с иностранными, а для этого необходимы контрастивные исследования, направленные на выявление национальной специфики единиц языка и разработку принципов их лексикографической фиксации.

Литература

Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. 1980. Лингвострановедческая теория слова. Русский язык: Москва. 320 с.

Гадамер, Ханс-Георг. 1991. Актуальность прекрасного. Искусство: Москва.

Гумбольдт, Вильгельм фон. 1984. Избранные труды по языкознанию. Москва.

Комлев, Николай Г. 1992. Слово в речи: денотативные аспекты. Эдиториал УРСС: Москва.

Якобсон, Роман. 1978. О лингвистических аспектах перевода. в Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Международные отношения: Москва. С. 16–25.

Derrida, [Jacques](#). What Is a «Relevant» Translation? // Critical Inquiry Winter 2001. Vol. 27, – № 2. – P. 174 – 200.

Humboldt, Wilhelm Von. 1992. From Introduction to his Translation of Agamemnon. in Theories of Translation: An Anthology of Essays from Dryden to Derrida. Ed. by R. Schulte and J. Biguenet. Chicago. P. 55–59.

Schopenhauer, Arthur. 1992. On Language and Words. in Theories of Translation: An Anthology of Essays from Dryden to Derrida. Ed. by R. Schulte and J. Biguenet. Chicago. P. 32–35.

Словари

Даль, Владимир. И. 1995. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Terra: Москва.

Ожегов, Сергей. И. 1991. Словарь русского языка. Русский язык: Москва.

Словарь русского языка: В 4 т. 1984. Русский язык: Москва.

Longman Active Study Dictionary of English. 1988. Русский язык: Москва. 710 p.

Advanced Learner's Dictionary of Current English. 1968. By A.S. Hornby, E.V. Gatenby, H. Wakefield. Oxford University Press: London.

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 2005 By A.S. Hornby / Ed. by S. Wehmeier, C. Mcintosh, J. Turnbull. Oxford University Press: London.